

Харитонов
Юрий

БОРЕЙ

Annotation

Если ты пятнадцатилетний подросток и ты всю жизнь прожил на острове, то тебя неудержимо тянет сбежать, чтобы посмотреть мир, но... в том-то и дело, что мир вокруг разрушен.

* - издавался в сборнике "Хроники последнего апокалипсиса"

-
- ◦ [Глава 1](#)
-

Борей

Глава 1

*Исчезнет с лика Мира человек,
Гордыня – страшный враг...
Поделят боги древних лет
В округе все и вселят страх...
Борей[1] очнется, не спеша,
Вернется к северным ветрам
Суровый дух, скупа душа,
Поможет дальним берегам...*

Арочный небесный свод сливался с океаном, огромной темно-синей дугой расстилавшимся с севера на юг. Словно гигантский купол, он накрыл остров и окрестности и своим весом изогнул горизонт. Темные волны Тихого океана перекачивались плавно и шумно, как будто некто наверху раскачивал невероятных размеров чашу, в центре которой и находился родной остров. Шиашкотан[2] же, или Шишка в простонародье, если смотреть с застывшего и еле дымящегося вулкана, больше похожий на большую восьмерку, разлегся между океаном и Охотским морем точно медуза, порожденная Катастрофой. В туманной дымке серого горизонта были различимы еще два острова, пустующих и одиноких.

Данилка, худой и белобрысый пятнадцатилетний пацан, вздохнул. Пожалуй, слишком глубоко и громко. Удивленная птица выпорхнула из зарослей ольхи и устремилась вниз, вдоль склона горы, туда, где располагалась деревушка выживших. Частично закрытый от глаз черными клубами дыма чадающих костров, огромный, покрытый ржавчиной левиафан лежал на боку у берега, навсегда потеряв возможность вернуться в темные холодные воды океана. Его мощные хвостовые винты висели в воздухе, ржавея. Красный корпус металлической конструкции, более напоминающей крупного синего кита, обступили постройки из дерева. Будто чудовище уже не могло за себя постоять, поэтому и позволяло маленьким человеческим фигуркам ползать вокруг. Они обустроивались, строя хлипкие домишки рядом, окружая, используя, ворую из нутра – гигантского

трюма[3] с двойным бортом – топливо, благодаря которому люди и прожили двадцать лет.

«Витязь», малый нефтеналивной танкер[4], выброшенный цунами на берег Шиашкотана, Курильской гряды, словно лампочка, притягивающая мотыльков, когда-то давно собрал вокруг себя выживших. И, словно лампочка, давал свет и тепло. Полторы тысячи тонн «черного золота» оказались как нельзя кстати на пустующем острове, и нефть неплохо заменяла любое другое топливо, хотя нещадно чадила и выделяла ядовитый дым. Но люди на то и люди, чтобы найти выход из любой ситуации. Пищу варили или тушили в закрытых контейнерах, а крабов – прямо в панцирях. Печи из корабельного металла делали глухими с подачей топлива с улицы, и горения нефти хватало на обогрев хижины – жар «черное золото» выделяло достаточный, чтобы в студеную ветреную зиму жить почти комфортно и не бояться смерти от холода. Однако никакого слада не было с самодельными лампадками[5] из наполненного нефтью сосуда и колбы с фитилем – сколько ни оставляли отверстий в потолке для вентиляции, но помещения, одежда и, казалось, уже сама кожа пропитались едким запахом горящей нефти.

Русские, японские, корейские рыбаки, оставшиеся без дома после Последней Войны, как окрестили ее моряки, собрались здесь и создали общину. Численность ее перевалила в последнее время за триста человек. Потихоньку, помаленьку, но люди строили новую жизнь на этом безрадостном клочке земли, зажатым водами океана и моря. И то, что эта одна большая семья уцелевших, несмотря на случаи отравления людей нефтью, продолжала, хотя и медленно, но расти, лишь укрепляло веру, что все правильно и жизнь идет своим чередом.

Вот только Даньке так не казалось. Он вновь уныло вздохнул и прильнул к потрескавшемуся стеклу окуляра – все что осталось от найденного в застывшем навсегда на рифе[6] с другой стороны острова КПСКР[7] бинокля. Сегодня, как и случалось раз в год, у Шишки кинул якорь минный тральщик[8] из Петропавловска. Страшные люди... Выполняющие всегда одно и тоже действие, потом сворачивающиеся и отплывающие восвояси. Раз в год разыгрывающаяся на глазах обитателей острова драма являла собой верх жестокости, но ни один из жителей все же не мог пропустить

происходящее. Кто-то наблюдал из жалости, кто-то из боязни, а кто-то болел всем сердцем за несчастных... А кто-то – и Данила знал одного такого – ненавидящим взглядом сверлил корабль и расхаживающих по палубе врагов.

Парень перевел окуляр с корабля на берег, и различил чуть в стороне от селения и толпы, сгрудившейся на утесе, одинокую фигуру, застывшую с самого утра, как только ненавистный тральщик показался на горизонте, а потом бросил якорь в полумиле[9] от берега. Капитан первого ранга Нахим – единственный родной Данилке человек, отчим, после смерти матери взявший опеку над пасынком в свои руки и не оставивший мальчишку полным сиротой, одиноким и забывшим семейный уют. Чеков знал тайну этого сурового мужчины. И не только то обстоятельство, что он когда-то прибыл на остров с этим тральщиком – об этом знали все – но и о другом: тайну, которую сам Нахим в сильном подпитии, горя об усопшей жене, рассказал ему. И об этом Данила никому не распространялся... в том числе не помнящему состоявшегося разговора Нахиму.

Парень перевел окуляр обратно на корабль и медленно поднялся на ноги. Трагедия начиналась.

На маленькую корму вывели трех человек, остальные пять с автоматами наперевес толкали их. Порой довольно грубо: один растянулся на палубе после такого тычка, и лишь леерные ограждения[10] по борту не дали бедняге свалиться в холодные темные воды.

Заключенных построили вдоль лееров, и из нутра тральщика вынырнул офицер. Его несложно было отличить от других по широкой черной фуражке с блестящим спереди «яйцом» – кокардой[11]. Данил нацелил оптику на Нахима и заметил, как напряглась фигура отчима, а кулаки сжались. Он определённо узнал ненавистного человека, отправившего соперника на изолированный пустынный берег.

И вновь парнишка оглядывал корабль. Офицер что-то говорил, а губы Чекова произвольно зачитывали давно заученный со слов Нахима текст:

«...являетесь врагами... решением Совета, осуждены на изгнание... каждому из вас положен годовой паек... скитания и жизнь в изоляции должны изменить вас... когда Совет посчитает нужным, вас заберут с острова... все в ваших руках: перевоспитание и будущая

жизнь... каждый человек на счету... гнусного предательства... только суровыми испытаниями смоете свой позор!...»

Офицер говорил еще и еще, как будто беднякам нужна была напутственная речь перед смертью, словно они и сами не понимали, что никто уже не вернется домой. Это был театр для одного человека – Нахима, и ведь не жалко тратить топливо, чтобы пройти на корабле многие мили и каждый год показывать единственному неслучайно выжившему человеку одно и то же... Как будто он мало вытерпел, оставаясь в заточении более десяти лет. Но нет, месть человека с кокардой – месть на все времена. Пока не кончится топливо, либо – не погибнет кто-то из них.

Тем временем людей с корабля столкнули в воду. Данила застыл, затаив дыхание, всматриваясь в темную, отражающую серый с красной ватерлинией борт воду. И, наконец, смог выдохнуть, когда все трое вынырнули на поверхность. Шанс есть, и доказательством тому служит капитан, точно воткнутая в землю жердь, застывший на берегу. Следом полетели три тюка – пайки на месяц для каждого отверженного.

– Нет! Нет... нет... нет! – зашептал парень, увидев, как один из пловцов развернулся за тюком. – Быстрее к берегу, дурак! Потом будешь вылавливать свои манатки...

Но человек не понимал, либо никогда раньше не был свидетелем подобной пытки и не видел, что за чудовища населяют здешние воды, отчего с острова невозможно было выбраться в принципе. Поэтому заключенными оставались и жители Шишки.

– Быстрее к берегу! – шептал Данила, с силой прижав окуляр к глазу, ничуть не заботясь, что может остаться синяк. Он не сомневался, что недалёковидность этого пловца вместе с ним осуждала половина населения, наблюдающего сейчас за трагедией. – Идиот! Ду... Черт! Морской...

Поверхность потемнела. Большое пятно размером в половину тральщика расплывалось под барахтающимся рядом с тюками человеком. Оно на секунду застыло, и под вздох парня из медлительной и широкой волны вынырнула ужасающая морда морского черта – огромной рыбы. Распахнутая пасть, полная зубов, заглотила человека вместе с тюком, за который тот успел ухватиться, и плавно захлопнулась, выцеживая лишнюю воду. Затем чудовище

завалилось набок, уходя на глубину и окатывая тральщик мощной волной. Люди, наблюдающие за высадкой изгоев, поспешно отшатнулись от леерных ограждений. Лишь оглушающий грохот раскатился по окрестностям. Был человек и нет – сожран существом, созданным войной... Офицер тотчас скрылся с палубы, и вода под тральщиком забурлила – рукотворная рыбина вздрогнула с носа до кормы и, набирая обороты, поспешила ретироваться с места обитания исполинского чудовища.

Оставшиеся на плаву изо всех сил работали руками, стараясь добраться до спасительного берега. Но это было непросто. Намокшая одежда тянула вниз, а холодная даже по меркам лета вода – сковывала мышцы и отбирала последние силы, наряду с мощью широких волн, лишая людей последнего шанса.

Данила, прикусив губу, смотрел сквозь увеличительные стекла половинки бинокля и мысленно помогал борющимся за жизнь людям.

– Давай! Давай! Гребь шустрей!

Но сколь сильно ни хотелось ему помочь, не в силах паренька было тягаться с обновленной природой.

Исполинская рыба еще пару раз с шумом и грохотом выныривала из колышущихся волн Тихого, но за «обманками»: один за другим исчезли в нутре твари пайки бедняг. И это дало время и малый шанс на спасение пловцам, борющимся с волнами. Больше трех четвертей дистанции они преодолели.

Морской черт, скользящий под водой темным пятном, пометался в поисках «добавки» и одним быстрым движением развернулся к берегу, учуяв беглецов и набирая скорость: огромный плавник приподнялся над водой, разрезая волны. Пловцам до берега оставалось около ста метров. Чуть-чуть поднажать – и спасение. Данила запрыгал на месте в бешеном азарте. Хоть бы успели... хоть бы кто-нибудь успел!

Но чуть отставший пловец вдруг словно споткнулся. На мгновение исчез под волной, а вынырнув – забарахтался, не понимая где находится и куда плыть. То ли захлебнулся, то ли устал так сильно, что утратил веру в спасение. И барахтался до тех пор, пока его не развернуло в сторону твари. Чеков представил весь ужас человека, когда тот видит приближение неизбежной смерти и невозможность что-либо изменить. Черт нырнул в последний раз перед атакой, и вновь человеческая жизнь сгинула в черном зеве рыбины-мутанта. Чудовище

громыхнуло телом по воде на всю округу и, наконец, растворилось в глубине – темное пятно под поверхностью воды исчезло.

Неужели это случилось? Данила не мог поверить глазам, шаря окуляром по океанской глади. Нет. Чудовища не видно. Последний из приговоренных Петропавловском человек уже в пятидесяти метрах от берега. Чуть-чуть – и неизвестный повторит судьбу Нахима. Останется жив и докажет живущим, протухшим в своей безнадежности людям – выбраться с острова возможно, как и попасть. Надо только применить смекалку и настойчивость.

Вот уже беглец поднялся, встал на ноги и, скользя на невидимой под водой гальке, пошел к берегу. Пятнадцать шагов, десять... сердце Данилы готово выскочить из груди, настолько сильно он переживал этот момент за борющегося со смертью человека. Тяжелая одежда тянула вниз, уставшие конечности не поднимались, а с берега сорвался всеобщий удивленный вздох. Люди заметили нечто за спиной мужчины, застыли, затаили дыхание. Но широкий серо-зеленый панцирь, поднимающийся из воды позади, медленно, словно во сне, надвигался на человека. Всего один взмах длинной, толщиной в руку, конечности – и краб, пятясь, утащил жертву в пучину океана...

Нет. Не поверит теперь никто. И не захочет понять. Так и будут коптиться в нефтяном дыму до скончания жизни, пока весь остров не уйдет на дно этого чертового океана. Плечи парня опустились. Придётся тайком, по старинке, как и несколько других, попытавшихся выбраться до него. Неугомонных и не желающих всю жизнь провести на маленьком клочке суши, лишь ловить крабов на берегу и бояться сунуть ногу в холодную воду.

– Ты тоже это видел? – раздалось из кустов. Данила вздрогнул и обернулся, инстинктивно стараясь прикрыть собой устройство, разложенное на земле. Из спутанных зарослей торчало довольное лицо Фудзи. Его хитрые глаза стали еще уже.

– Идиот! Напугал! – недовольно буркнул подросток.

– Так во-о-от ты чем здесь занимаешься! – заметил друг, японец по национальности. Черноволосый, низенький, еще и слишком шустрый плюс ко всему. Родился он на Шишке через пять лет после Катастрофы, как и Данила Чеков. Имя мальчику дали в честь «Великой Японской горы», а фамилия Ямомото в переводе тоже означала гору. Так что упрямства ему было не занимать.

– А ты... а ты зачем шпионишь?! – недовольно буркнул тот.

– Ну, а что? Хоть посмотрю, чем ты тут занимаешься! – загорелся Фудзи, с треском выпадая из кустов: ольха была густая и цеплялась за одежду, отчего подросток распластался на склоне. – Ты же мой друг, и мне интересно! – добавил он, поднимаясь и отряхиваясь. Кусочки листьев и травы прилипли к черному бушлату.

– Слушай... – замялся Чеков, мыском ботинка подцепляя раскиданные по склону стропы[12] и откидывая их назад, словно они станут от этого незаметней. – Я тут... делом, в общем, занят. Некогда мне.

– Дело, говоришь? – Фудзи попытался заглянуть за спину Данилы, но тот отступал, постоянно преграждая путь. Ямомото нахмурился и упер руки в бока. – Слышь, Дань! Я ведь и обидеться могу! Дело он тут занят! Некогда ему!

– Да ты не понимаешь! – поправил Чеков, с какой-то неестественной тоской поглядывая в сторону на катящиеся к берегу волны.

– А ты покажи! – Ямомото подошел ближе и положил руку на плечо друга. – Я же друг, я помогу.

– Не поможешь! – уверенно пробормотал Данила и печально посмотрел на остров вдалеке, находящийся к северу от Шишки. Он призрачным расплывчатым миражом давно манил к себе Данилу. И пареньку ничего не оставалось, как отойти и показать устройство другу.

– Это что? – удивленно спросил Фудзи. Он поплотнее закутался в бушлат: лето летом, но на высоте почти в тысячу метров ветер продувал до костей. То, что предстало глазам Ямомото, трудно отнести хоть к чему-то знакомому, но оказалось очень похоже на... – Парус?

– Нет, что ты! – замотал головой Данила, смущенно улыбаясь. – Это просто парафойл[13].

– Пара... чего? – не понял Фудзи, продолжая рассматривать приспособление. Широкая, прошитая местами парусина разлеглась по склону, напоминая именно парус и ничто иное. Сеть строп хитро переплеталась и заканчивалась двумя рукоятками. Фудзи нахмурился еще больше и разозлился. – Что ты пудришь мне мозги?! Это парус... ты что – строишь лодку? Убраться с острова собрался? Без меня?

– Это не парус! Это... это...

– Ну?! – требовательно спросил друг. – Что же это? И почему мне не рассказал?

– Это парафойл... – еще раз попытался объяснить Данилка, но махнул рукой. – Однажды нашел у Нахима книгу, там было и про воздушных змеев. Наверное, забыл... В общем, это тоже что-то похожее на летающего змея, только побольше. И говорил же... не поймешь!

– Конечно, нет! – возмутился Ямомото. – Ты забыл, сколько уже погибло, когда перебраться пытались через пролив Севергина? Чем, думаешь, ты лучше? Стасик... Лёва... И тот, безумный... Макс, кажется? Ты забыл, что у нас под водой, что у нас вокруг?

– Нет. – Чеков упрямо сжал губы. – Но жить посреди них хорошо, что ли? Тебе еще не тошно?

– С ума сошел? Мы на чистой земле живем! Питаешься крабами...

– Которые сами жрут каждый год одного-двух охотников... – добавил Данила, но Фудзи его как будто не слышал, продолжая.

– Рыбой...

– Тварями, выброшенными на берег, потому что с живыми мы не справимся...

– У тебя есть огонь...

– Коптильня, от которой болеют и умирают, если надышатся ядовитым дымом...

– А у меня тут отец, мать и сестра! – закончил Ямомото. – Мне хорошо с ними. И никто нас не трогает! Никто, понимаешь? Даже эти... из Петропавловска, что мучают твоего Нахима. Они и то боятся подходить ближе к берегу и высаживаться. Боятся сами навсегда остаться на Шишке...

– Вот и я этого боюсь! И нет у меня ни отца, ни матери, а Нахим... Нахим – не в счет! Я его не просил обо мне заботиться... – горячо возразил Данила.

– Чего?! Ты дурак? – Фудзи смотрел на друга и будто видел впервые.

– Я боюсь на всю жизнь застрять здесь! – Чеков говорил медленно, но так четко выговаривал слова, что Фудзи поневоле пришлось выслушать. – Мир-то вокруг не умер! Нет! Взять хотя бы этих... с тральщика. Они живы, и они возвращаются каждый год, чтобы это показать... не нам, а Нахиму. Мы так... заодно с ним этот

спектакль смотрим. И вот чтобы ты знал... я не хочу торчать здесь всю жизнь, жрать пресных крабов, жевать полутухлое мясо морского черта и тушиться вместе с едой под кострами из сырой нефти, когда ядом пропитан каждый клочок земли! И не хочу всю жизнь смотреть вдаль, зная, что где-то живут люди, живут свободно, не так, как мы. Пусть там радиация, пусть другие мутанты, но там простор. Свобода... Мне Нахим рассказывал... естественно, «под мухой»... Отсюда три острова всего до материка, до полуострова[14]. И если по воде не удастся добраться туда, то, может, имеет смысл по воздуху?

– Совсем спятил! – Фудзи покрутил у виска.

– Ну, спасибо! – буркнул Данила, подходя и начиная сворачивать объемную, но на самом деле компактную, если сложить, конструкцию. – Вот поэтому и не говорил. Ни тебе, никому...

– Ни Нахиму, – добавил Фудзи, с некой долей удовлетворения наблюдая, как Чеков выпрямился. Он определенно боялся, что отчим узнает. – Узнает, что лететь собрался... прикует цепями к этой горе!

– И не лететь, – тихо возразил Данила. – Это, как ты сказал, похоже на парус, но только толкает не корабль. А человека.

– То есть ты все же по воде собрался? – ухмыльнулся Фудзи. – Точно ненормальный!

– Только ноги, привяжу доску и буду скользить по поверхности, «парус» и ветер понесут.

– Как все просто! – съязвил Ямомото. – А ты не думал, что и остальные думали также? Не думал, что и им задача казалась простой? А?

– Нет! – горячо замотал головой Чеков. – У меня другой подход...

– Про твой подход да Нахиму бы рассказать!

– Нет! Не надо! – попросил Чеков, умоляюще. – Друзья так не поступают!

– Вот так они и поступают! – зло бросил Фудзи. – Именно так поступают! Пытаются оградить идиотов от их собственных ошибок! Или я должен отпустить тебя в смертельный полет? Лети, Данька!.. Лети к чертям собачим!.. И умри!

– Этого не будет! – горячо заговорил Чеков. Глаза горели, а лицо покраснело. – Понимаешь, я все просчитал! Я около года готовился! Все получится, я верю, и я покажу всем, что отсюда можно сбежать! Только Нахиму не говори...

– Хорошо, – вдруг улыбнулся Фудзи, глаза превратились в щелочки. Столь разительная перемена в настроении друга обычно ни к чему хорошему не приводила. Данила напрягся, предчувствуя хитрость.

– Пойдешь со мной на КПСКР, и я никому ничего не скажу, – выпалил японец на одном дыхании.

– Что?! – пораженно переспросил Чеков. – Но это же опасно!

– Не опасней твоей затеи, – возразил Ямомото. – Сейчас отлив, и добраться до него можно запросто. Ну? Что скажешь? Ненадолго... как прилив начнется – уйдем. Хочу побывать в рубке[15], осмотреть каюты[16], прошлое поглядеть немного...

– Но это очень опасно! Он висит на скале, готовый рухнуть. И это запрещено! И... и... и мало ли что там поселилось!

– Пытаться выбраться с острова – тоже... – елеиным голосом возразил Фудзи. – Но это моя мечта. Наравне с охотой на крабов. Как и твоя – свалить с острова. Так чем моя хуже? Я молчу про твою, а ты – помогаешь с моей. Равноценный обмен?

– Да, – после долгой паузы ответил Данила, и надеясь, что успеет раньше уйти с Шишки, уточнил: – Когда пойдем на КПСКР?

– Да сейчас, – ухмыльнулся друг. – А то через несколько часов нас будут обучать на крабов охотится, хотелось бы успеть и туда.

Идти было трудно. Заросли ольшаника и кедровый стланик[17] переплелись и преграждали путь. Приходилось с треском прорываться через эти крепкие природные заборы. Ямомото в раздражении порой рубил по веткам огромным ножом, который отец подарил ему на десятилетие. Данила с улыбкой поглядывал на друга, у которого в крови все еще бродил «зов предков», заставляя при каждом удобном случае доставать из ножен танто[18]. Чекову нравилась эта привычка Фудзи. При этом тот вид имел настолько нелепый, что воспринимать без улыбки этого узкоглазого юнца было невозможно.

Вообще, когда выжившие рыбаки стеклись к Шишке и создали из разных народов колонию, то решили обучать детей единому языку, чтобы избежать национальной розни и междоусобиц, одна из которых еще на заре возникновения поселения чуть не уничтожила его. А так как наиболее грамотными и дисциплинированными были военные офицеры КПСКР, основавшие поселок, то и решили обучать детей русскому. Собственно, и всему остальному тоже. Поэтому дети,

рожденные после Катастрофы и воспитанные не только родителями, но и объединенной семьей общины, довольно чисто на нем говорили. Не без легкого акцента, но всему свое время.

Ступать по камням приходилось осторожно. Мягкий вечнозеленый кустарник водяники[19] скрадывал шаги и прятал слишком острые обломки под широкими стелющимися ветвями. Парни обогнули вершину, и взору открылась другая часть острова, похожая на заселенную, разве что омывалась морем, да и корабль, севший на рифы, другой. Военный, величественный и грозный, оцетинившийся стволами пушек и торпедных аппаратов. Даже то, что он висел на четырех огрызках-скалах, вылезших из воды недалеко от берега, делало его не менее грозным.

КПСР «Дзержинский» когда-то принял последнюю битву, ничуть не посрамив честь флота и защищая границу на дальних рубежах Родины. И о ней пацаны знали лишь из уст офицеров, иногда проводивших экскурсии около застрявшего навечно в тисках скал корабля, – потомки впитывали чужую память об ушедшем мире.

Подростки в детстве, раскрыв рты, слушали рассказ мичмана, одного из оставшихся в живых в этой эпической битве. Корабль укрылся за островом и дал бой трем кораблям противника. «Шестьсот-тридцатки»[20] резали суда противника, словно нож масло, а «сотка»[21], огрызающаяся выстрелом в минуту, сносила надпалубные надстройки на раз! «Оса»[22] же – двадцать крылатых ракет, потопила еще три корабля, невидимых за островом. Воображение мальчишек, подкрепленное грозным видом висевшего на скалах корабля, неусыпно следило за рассказом мичмана и рисовало красочную картинку тех великих событий... И не один раз потом «наследники прошлого» порывались забраться на судно и хоть чуточку прикоснуться к страшным, но впечатляющим событиям. Однако это было опасно. Море, отделявшее четыре скалы от острова, лишь на несколько часов откатывалось от берега и давало возможность по влажной гальке пройти до фрегата. Но надо было еще умудриться забраться на проржавевший остов, висевший в нескольких метрах над землей из-за отлива.

Фудзи встал на цыпочки, потянулся всем телом и провел ладонью по шершавой, изъеденной ржой и усеянной полипами[23] поверхности гребного винта. Корма[24] широкой раковины нависала над ребятами.

– Ну вот, пришли, – почему-то шепотом проговорил Данила. – Ты доволен? Теперь, может, пойдём обратно?

– Не-а, – хитро возразил Фудзи. Он обернулся к другу и показал на свисавший с борта швартовый, похожий на стропы канат в руку толщиной. Нижняя часть, касавшаяся воды, измочалилась и наполовину сгнила со временем, но остаток позволял смело забраться на корабль любому идиоту, например, Фудзи. Данила лишь вздохнул и махнул рукой, мол: «Давай закончим это быстрее».

Пацаны поднялись на верхнюю палубу, прошли по вертолетной площадке, мимо ангара для вертолета, развернутых в стороны торпедных аппаратов, раскуроченной командной надстройки, открытой шахты ракетного комплекса и неестественно задранной вверх пушки к носу корабля. Фудзи перепрыгнул волнорезы и, раскинув руки в стороны, с диким криком взбежал по задирающейся кверху палубе. Там, ожидая не столь радостного друга, он еще несколько раз громко крикнул, закрыв глаза и подставив лицо морскому бризу. КПСКР иногда содрогался и вибрировал, и мальчишке почти удалось представить, как сторожевой корабль, накрываясь и рассекая волны, мчится по бескрайнему океану, а в лицо летят соленые брызги.

– Знаешь, Даньк, – счастливо сказал японец, когда друг подошел. – Хотел бы я жить на таком... ну... когда он еще был в строю и ходил по морям. Это свобода, это ни с чем не сравнимое чувство покорителя океана, властелина природы.

– Теперь понимаешь, что я хочу? – спросил Чеков, укоризненно разведя руками.

– Думаю, да, – кивнул Фудзи. – Но вместе с тобой не могу. Семья. А вот прикрыть – прикрою. Можешь на меня рассчитывать.

– Тогда, может, пойдём уже?

– Пойдем, – согласился друг. – Пойдем, но...

– Что «но»? – нахмурился Данила. Его настораживало, что Фудзи может еще что-нибудь придумать.

– Но внутри корабля! – торжественно возвестил тот.

– С ума сошел? Он, того и гляди, рухнет! Чувствуешь, как дрожит палуба под ногами?

– Не срать! – Фудзи похлопал Данилу по плечу и пошел к тамбуру. Чекову ничего не оставалось, как последовать за другом.

– Тут же темно как... – начал было Чеков, спускаясь по крутому металлическому трапу[25]. Хотел добавить емкое словцо, явно подходящее для всей этой ситуации, но передумал, так как оказалось совсем и не темно.

Во время боев кораблю сильно досталось. Изрешечённые крупнокалиберными патронами и осколками от снарядов корпус и переборки[26] пропускали достаточно света, чтобы не врезаться в висящие на стенах узкого, забирающего вправо коридора загадочные приборы и щиты. Фудзи уже вертел колесо задрайки двери в следующий отсек, распахнул ее, отчего по кораблю разлетелся громкий скрип. Японец бесстрашно перешагнул через порог. Этот коридор через десять метров тоже закончился гермодверью. Рядом в нише стены в пол уходил люк, на котором красной цветом выведено: «АУ АК-100. БЧ-2»

– Тут двери каждые десять метров, что ли? – недовольно заметил Данила, подергав за «руль» на двери, пока Фудзи крутил такой же на напольном люке.

– А ты думал! – со знанием дела ответил Ямомото. Выпрямился и гордо добавил: – Корабль поделен на отсеки, чтобы при затоплении одной части ее легко можно было отсечь и предотвратить попадание воды в другую. Мичман Воронин рассказывал. Я выпытал у него все, что можно. Это же ведь КПСР – боевой корабль Морской охраны России! А знаешь, что тут? – Фудзи указал на люк в полу. Пол вновь ощутимо завибрировал, и друзья на мгновение замолчали, прислушиваясь.

– Что?

– Погреб для снарядов той пушки сверху. Видишь – АУ АК-100? А БЧ-2 означает артиллерийскую боевую часть. Хочешь на снаряды посмотрим?

– Нет. Страшно здесь, Фудзи, – Данила с надеждой посмотрел на друга. – Мне кажется, что там внизу что-то есть.

Пол вновь загудел, а мальчишки замолчали. Казалось, корабль живет какой-то своей очень странной жизнью и делает последние вздохи перед смертью, не ожидая больше увидеть на своем борту людей. Но потом Ямомото улыбнулся.

– Ты – параноик, в курсе? То на острове не сидится, то боишься шума корабля.

– Сам ты пара... – но японец уже не слушал, он присел, быстро отвернул поворотное колесо и поднял люк. Ребята отшатнулись: в нос ударил тяжелый смердящий запах разлагающегося мяса. В луче света, проникающего из дыры в борту, из люка показалось черное щупальце. Фудзи и Данила в ужасе «прилипли» к противоположной стене, а щупальце не желало останавливаться – оно с упорством ползло и ползло вверх, а жирные присоски с мерзким звуком прилипали к переборкам. Потом, как будто вылезать дальше уже было невозможно, устрашающая конечность неведомого существа застыла и вдруг шмякнулась со страшной силой об палубу. Ребята отскочили, а щупальце продолжало двигаться, по чистой случайности не задев друзей. Но Данила оказался в ловушке. Он прижался к задраенной двери, а щупальце перекрыло коридор и медленно, но уверенно двигалось к нему. Чеков вытянулся в струну, замерев от страха, когда конечность коснулась ноги и стала ее обвивать.

– Фудзи, сделай что-нибудь! – зашептал пацан. – Оно меня сейчас убьет!

– Д... д... да! Сейчас! – промямлил Ямомото и выхватил из ножен танто. Узкий клинок короткого меча слабо сверкнул в луче, проникающем снаружи, но перерубить щупальце не смог – сверху его покрывали хитиновые пластины. Снизу раздался рев и тяжелые удары сотрясли корабль. Неведомое чудовище пришло в ярость. А Фудзи тем временем нанес еще несколько ударов танто, стараясь метить меж пластин. Наконец конечность отвалилась и задергалась, извиваясь на палубе и колошматя о стены. А снизу творилось нечто невообразимое. Рев оглушал, а палуба под ногами подпрыгивала, выгибаясь от резких и частых ударов.

– Открывай дверь! – заорал Фудзи. – Бежим!

Данила налег на колесо штурвала и в несколько секунд открыл дверь, перепрыгнул через порог и бросился вперед, по узкому коридору, благо остальные двери отсеков были распахнуты. Фудзи перепрыгнул извивающееся щупальце и последовал за другом. А сзади, разрывая алюминий и сварочные швы, «выколупывалось» словно из яйца невообразимое чудовище. Щупальца разрывали и дробили переборки, и, хоть в коридоре для такого монстра было явно тесно, сильные конечности раздвигали стены, чтобы влажное и скользкое туловище могло протиснуться вперед.

Данила сломя голову неся по узкому проходу, не обращая внимания на разграбленные помещения, отходящие от основного коридора. Сердце гулко билось в груди, а страх вымел из головы абсолютно все мысли. В какой-то момент он проскочил трап наверх, вернулся, чтобы подняться по нему, и налетел на Фудзи. Друг толкнул в обратную сторону.

– К корме! Живо!

Ребята проскочили столовую и по длинному темному коридору пронеслись через турбинный отсек. Свернули в левый коридор, который и «выплюнул» через гермодверь пацанов на палубу юта[27]. А сзади рывками продиралось чудовище, дико вереща и яростно круша все вокруг.

Спускаться старым способом времени не было, поэтому пацаны с разбегу прямо с юта сиганули через леера кормы, благо небольшая высота позволяла прыгнуть. Только Данила приземлился неудачно и подвернул ногу. Когда Фудзи отбежал и обернулся, Чеков еще ковылял под нависающей палубой и гребными винтами, а переборки на юте уже разрывали толстые щупальца. Еще несколько ударов – и надпалубная настройка с пушкой наверху отвалилась от корабля и со скрежетом рухнула вниз. Ямомото, не веря глазам, наблюдал, как нечто огромное, похожее на осьминога в сегментном панцире, «вытекает» наружу. Черный, как нефть, лоснящийся комок невероятных размеров «растекся» по палубе юта, раскинув жирные щупальца вокруг и водя круглыми блестящими глазами, словно не видя на свету. Наконец, оно взревело, учуяв добычу, схватилось щупальцами за тонкие металлические колонны, поддерживающие вертолетную площадку и, оттолкнувшись, метнулось в сторону кормы.

Фудзи подбежал к хромающему другу и чуть ли не силком потащил его за собой. А сзади туша чудовища плюхнулась на влажную гальку, контужено вращая глазами, и только монстр очухался, как корма подалась вниз под собственным весом, и от сильных разрушений внутри сторожевой корабль «Дзержинский» переломило пополам. Ужасающий грохот заставил друзей обернуться. Корма чудовищным весом придавила тварь к земле. Лишь щупальца еще дергались в предсмертной конвульсии, лупя по подступающей воде – прилив начинался.

– Черт! – отдышавшись выдохнул Ямомото. – Что это такое?!

– Я не знаю, что это, – заметил Данила злым голосом, поворачиваясь и хромя по берегу, – но нам не надо было туда забираться. Кто знает, что еще здесь обитает...

– Как думаешь, кто-нибудь слышал грохот? – спросил японец. – Если Воронин узнает, на губе[28] же проторчим...

– Да никто ничего не слышал! – взорвался Чеков, остановившись, и показав на гору. – От селения нас отделяет застывший вулкан!

– Не злись! – Фудзи виновато засеменил следом. – Теперь я точно никому не скажу о твоём секрете.

– Да уж, ты постарайся!

Двадцать лет назад, когда поселенцы только сбивались в общину, у берега бросили якорь и малые рыболовные суда. После со временем шторма их посрывало с якорей и выбросило на берег на ряду с танкером. И теперь отмель представляла собой кладбище затонувших и беспомощно лежащих на земле кораблей. А из обшивки и каркаса малых судов люди сделали заграждение, которое помогло спастись от нашествия крабов – огромных, закованных в хитиновые панцири монстров. С тех пор жилища окружала металлическая стена.

Дома – да скорее хижины – строились из переплетенных ветвей кустарниковых кедров и ольхи с нагроможденными сверху пластинами железа. Поначалу они находились поодаль от танкера. Мало ли что могло случиться – если бы нефть внутри корабля вспыхнула, то трагедии не избежать. Поэтому за хранением и раздачей нефти следил один человек, остальным запрещалось приближаться к кораблю под страхом наказания. Несколько дней на гауптвахте у кого угодно могли отбить желание подходить к танкеру ближе, чем положено.

– Ну, ни пуха тебе, – махнул рукой Фудзи и побежал дальше к берегу, где покоилась красная машина «Витязя». За ним на пляже разместился учебный полигон – место для тренировок мальчишек и юношей. Ямомото бросил взгляд на гребные винты, словно вживленные в корпус. Когда-то давно танкер выбросило на берег, и команде КПСКР в авральном[29] режиме пришлось спасти судно, иначе «черное золото» могло разлиться и доставить много бед окружающему миру.

Фудзи окинул взглядом танкер и почувствовал невольное уважение к чудовищу. Исполинский корабль с помощью людей уже двадцать лет сопротивлялся окружающему миру. И только благодаря

его содержимому людям удалось выжить на этом пустынном острове, обустроиться и победить новый мир.

Мысль скользнула дальше, вернее, возвратилась почему-то к Даниле. Фудзи зацепился за нее и через мгновение осознал, что Чеков, словно бабочка, лишь из добрых побуждений пытается сейчас найти путь с острова. И указать жителям, что это возможно. Ведь прав он... Сколько не выбирай топливо из огромного нутра корабля, оно когда-нибудь закончится. И людям нечем будет топить печи и готовить еду – скудной растительности северного острова для этих целей недостаточно.

Вместе с тем в душу юноши закралась необъяснимая тревога за друга. Чутье подсказывало: если он пойдет вопреки всем запретам и выполнит задуманное – может случиться катастрофа. Что может противопоставить юнец грозной и опасной природе, изменившейся со времен последней войны до неузнаваемости?

Фудзи встал, как вкопанный. Он не мог позволить другу рисковать собой. Это не в его правилах! Нет. Но как пораньше уйти с тренировки? Нужен был план. И он практически моментально созрел в голове парнишки.

– Ямомото! – инструктор издали заметил спускающегося по крутому склону подростка. По недовольным ноткам в его голосе Фудзи определил, что старший мичман[30] Воронин зол. – А ну, живо в строй! Шаландаются где ни попадя. Чекова где забыл?

– Так это... – запыхавшийся мальчик втиснулся в строй мальчишек. Семь подростков в черных бушлатах молча косились на опоздавшего. В их взглядах тоже читалось неодобрение.

– Ты должен яснее выражать свои мысли, Ямомото! – перебил его Аркадий Семенович голосом, не терпящим возражений. После чего скомандовал: – Взвод! Упор лежа принять! Двадцать отжиманий!

Восемь подростков, как один, рухнули руками на холодную, отшлифованную водой и северным ветром гальку. Боли не было. За годы тренировок руки уже привыкли к подобным испытаниям. Огрубели и налились силой. И подростки дружно отчеканили задание.

– Ямомото! Ты понял урок? – спросил мичман, когда взвод закончил упражнение. Холодный, колкий взгляд серых глаз уперся в Фудзи.

– Так точно! – отрапортовал тот.

– Где Чеков?

– Товарищ старший мичман. Он подвернул ногу.

– О как! – удивился Воронин. – Я надеюсь, он посетил лазарет[31]?

– Думаю, да.

– Я не это спросил, Ямомото.

– Наверное, да. Я в это время бежал на урок, не могу точно знать. Товарищ мичман... Разрешите спросить.

– Валяй, – бросил Воронин, подойдя к Фудзи вплотную и вглядываясь в черные глаза японца.

– Разрешите покинуть урок. Надо поддержать Чекова.

– Похвально, Ямомото, что ты заботаешься о друге, но будет правильней, если ты поможешь ему здесь. – Аркадий Семенович обвел рукой тренировочную площадку, ограждённую от остального пляжа ржавеющими металлическими листами. – Будешь тренироваться и за друга. Вдвойне, так сказать.

– Но... – Фудзи скосил взгляд на старшего мичмана, но тот выдержал паузу.

– Опять мямлишь, Ямомото! – недовольно пробасил Воронин. – Снова. Упор лежа принять! Двадцать отжиманий!

Как бы подростки ни умели сдерживать себя, но в этот раз недовольство подавить не смогли. Еле слышимый гул ворчания раздался над строем, пока мальчишки принимали упор лежа. Мичман удовлетворительно хмыкнул и добавил:

– Сорок отжиманий! – далее он, довольный, пошел вдоль шеренги отжимающихся юношей, выговаривая слова: – Все, что не убивает, делает нас лучше. И если бы ты, Ямомото, был способен это понять своим слабеньким умишком, то вопросов бы не возникло. В наше беспокойное время если один человек выбывает из жизни по любой, даже идиотской причине, остальные неукоснительно делят его обязанности. Они закрывают ту брешь, которая образовалась из-за выхода из строя их товарища. Это всем ясно?

– Так точно!

– Не слышу!

– Так точно! – шесть глоток разом, почти синхронно, выдавили из себя воздух.

Ямомото, под недовольное сопение сверстников и шум собственного дыхания, обдумывал план. Отпроситься не получилось, но, может, получится как-нибудь по-другому откосить от занятия? Он чувствовал, что нужен Чекову: что-то должно произойти, а товарищеское плечо всегда лучше полного одиночества. Единственной возможностью было причинение себе какого-нибудь вреда, так что рында[32] дозорного, отбивающая на Морзе[33] команду «краб», лишь взбодрила его. Теперь есть возможность слинять с урока. Правда, попотеть все же придется.

– Встать! – скомандовал Воронин. Подростки повскакивали и дружно закутили головами, стараясь разглядеть за железными пластинами краба. – На два часа от меня. Панов!

– Я!

– Головка от патефона! Что в первую очередь важно при охоте на краба?

– Быстрота... – высокий и худой мальчишка выжидающе уставился на учителя.

– Неверно! Орлов!

– Точные действия охотников.

– В точку! Запомните: вы – команда! Вы, мать вашу, одна слаженная команда! В одиночку – спрячьте геройство в задницу и ноги в руки; с крабом можно справиться только группой. Почему, Ямомото?

– Единственная стратегия при встрече с крабом – обездвигить его. А это восемь конечностей. По одной на каждого. Остальные, не занятые ногами, должны постараться отсечь их быстро и любыми способами, – отчеканил Фудзи, вспоминая наставительные речи старшего мичмана.

– Верно! – Воронин на секунду остановился, внимательно осмотрев подопечных, и быстро скомандовал: – Вы знаете, где снаряжение! Вперед, салаги! Считайте, что испытание началось! – и уже вдогонку: – Если сегодня никого не придется хоронить, я буду несказанно рад...

В хижине всегда держался терпкий запах смолы. Данила запомнил его с детства. Как и шершавые стены, состоящие из переплетенных ветвей ольшаника и кедрового смолистого стланика. А также скрадывал все остальные запахи: пота, рыбы, даже перегара Нахима. Как и предполагал подросток, сейчас, после визита тральщика, он

поглощал ягодно-ореховую настойку. Мужчина сидел за столом и задумчиво пиялился на мутно-коричневую жидкость, плескавшуюся на дне бутылки.

Данила поприветствовал отчима, достал старенький потрепанный рюкзак и принялся складывать туда необходимые для похода вещи.

Мужчина, казалось, задумался о чем-то далеком и давно прошедшем. Серые глаза, не мигая, смотрели на бутылку. Борода и волосы топорщились в стороны. Видимо, Нахим не находил себе места после визита тральщика. Сложно было представить, что капитану первого ранга всего пятьдесят лет, настолько сморщилось сейчас его лицо. Возможно, поэтому его и считали стариком.

– Юр, – наконец тихонько заговорил Данила. Как и любой другой пасынок, отчима он привык называть без отчества, – можешь одолжить мне свой нож?

– Зачем он тебе? – хмуро спросил тот и, словно только что заметив, окинул подростка затуманенным взглядом. От него не укрылось, что Данила слегка морщится, наступая на правую ногу.

– Я в поход собираюсь на южную часть Шишки, – соврал Чеков. – Хочу осмотреть старые укрепления... Ну те, что со времен Второй мировой... Ну, нож так – на всякий случай.

– У вас же уроки...

– Нет. Сегодня – нет, – соврал Чеков.

– Не пуцу! – нахмурился Нахим.

– Но у нас правда нет уроков, – затараторил подросток.

– Нет. Не пуцу, – это было сказано твердо, что ясно дало понять Даньке: Нахим так и останется неумолим.

– Почему, Юр? Может... – предпринял Чеков последнюю попытку, но мужчина вновь прервал его.

– Без всяких «может». Не пойдешь! – Дальше спорить было бессмысленно: Нахим сказал – Нахим сделал. Всегда так. Даже многие взрослые ломали об эту скалу лучшие доводы, которые быстро и вдребезги разбивались на множество осколков сожаления. И тут действительно ничего нельзя было поделать.

Капитан поднялся, но вдруг пошатнулся, видно, слишком много ореховой настойки выпил, и врезался в стену, оседая возле нагретой печки. Данила подошел и помог подняться отчиму. Нахим навалился всем телом на юнца, но Чеков мужественно выдержал немалый вес

мужика и медленно проводил Юрия к сложенной из прутьев ольхи кровати. Засыпая, тот еще долго бормотал несвязные фразы, будто он находился в своем прошлом.

«Они выперли меня... Было все... Вернусь когда-нибудь... Восстановлюсь в правах...»

И только Данила знал, что они значат. Когда-то давно, под мухой, отчим признался пасынку, что он руководил группой выживших, но произошел переворот, и лучший друг – тот, что с кокардой – сместил его, обрек на заточение на острове и не забывал навещать столь странным способом, показывая, как он относится к предателям...

Данила вздохнул, поправил бушлат на Нахиме и, вытащив у того широкий армейский нож и из тайника «Стриж»[34] с парой дополнительных обойм, собрал рюкзак и, бросив напоследок: «Ты будешь гордиться мной, отец», – вышел из избушки.

Монстр расположился на нагретой солнцем гальке пляжа, метрах в десяти от крутого склона берега. Он чем-то напоминал большой валун серо-зеленого цвета, но с камнем членистоногого нельзя было спутать при всем желании. Неровный хитиновый[35] панцирь был покрыт острыми иглообразными наростами, от него отходили четыре пары лап, в два метра длиной и в руку толщиной каждая: шесть с острыми шипами на концах, две с мощными клешнями. Этот «красавец» мог похвастаться размерами и по сравнению со своими сородичами был гораздо крупнее. Диаметр панциря составлял почти полтора метра.

Жители Шишки пришли в ужас, когда пять лет назад эти пуленепробиваемые чудища появились из вод океана и ринулись штурмовать берег. Благо он оказался для них слишком крут. Монстры не могли забраться по почти отвесному склону к поселению, что дало людям время успокоиться и найти способ уничтожить их. Ведь у каждого есть свои слабости. У крабов это лапы. Лиши его их – и обездвиженное чудовище окажется беспомощным. Крабы в тот день отступили, а люди поняли опасность, исходящую из вод Тихого. На этот случай дежурил отдельный дозорный и, при случае опасности, выбивал на рынде сигнал «краб». Тогда и начиналась охота.

– Аккуратней, малявки! – крикнул Воронин. – Этот слишком здоровый для вас! Если яйца звенят, лучше подождать опергруппу.

Но его уже никто не слышал. Подростки, вооруженные баграми, гарпунами и лассо специальной конструкции, медленно окружали монстра. Все без исключения загорелись азартом. Наблюдая с высокого берега за охотниками, любой из них с малолетства ждал, когда этот момент наступит. Все мечтали быть героями, и опергруппу, созываемую сигналом рынды, никто дожидаться не собирался...

Фудзи закрепил конец гарпуна за выступающий из-под гальки свободный металлический крюк якоря – специально вбитого в землю для этих целей стержня. Потом оглянулся на остальных. Сверстники проделали то же самое, благо крюков по всему пляжу было наткнуто целая уйма, и застыли, глядя на отдыхающее чудовище. Краб обеспокоенно выставил бусинки-глазки из-под панциря, но пока не шевелился, словно оценивая угрозу. Естественно, закованный в броню монстр, ее не чувствовал.

Вот и затишье перед бурей... Перед битвой всегда так. Все вокруг замирает на несколько секунд, ожидая какого-то сигнала, толчка. Даже сердце бьется через раз, готовясь востроиться и начать отбивать ритм боя... И тут лиц подростков касается холодный ветерок. Северный. Помогающий настоящим морякам... А следом в уши врывается крик Воронина:

– Ну, что застыли, мальки! – вот умеет он всегда ободряюще гаркнуть... И совсем не обидно. – А ну, хватит сиськи мять! Порвите его!

И началось.

Четверо пацанов бросились вперед с лассо наготове. Краб поднялся на четырех задних лапах, задрал передние вверх и щелкая клешнями, затем метнул их в нападающих. Фудзи нырнул под клешню, одновременно накидывая на нее петлю. Прокатился по земле и сразу в обратную сторону, так как двухметровая лапа уже ударила по тому месту, где находился юноша. Примерно так же танцевали вокруг монстра и остальные подростки, стараясь накинуть петлю каждый на отдельную ногу. Краб попятился, но уперся в скалу. Тогда он бросился вперед, атакуя, но дело уже было сделано. Фудзи быстро натягивал веревку с помощью примитивного, но действенного блочного механизма, впрочем, как и остальные. В течение нескольких секунд краб был растянут за конечности. К задним ногам уже бежали

оставшиеся подростки, таким же макаром опутывая и распяливая существо. Монстр гневно скрипел хитином, но сделать ничего не мог.

Воронин, издалека наблюдавший за этой картиной, удовлетворенно кивнул и подошел. «Сайга-12К»[36], находившаяся в руках инструктора, так и не понадобилась.

– Ну, бойцы, – рявкнул он. – Своего первого краба вы запутали. Теперь что?

– Баграми забиваем его до смерти, товарищ мичман, – крикнул откуда-то из-за краба Панов

– Это тебя, Панов, надо багром бить! Напомни мне потом отдельные занятия с тобой провести. Ямомото!

– Я!

– Головка от шмеля! Говори, что делать надо. Ты, вроде, тут самый шустрый.

– Отделяем ноги от туловища, товарищ мичман! – отрапортовал Фудзи, довольный собой.

– Ну мать же за ногу! Какие ноги! – старший мичман картинно помотал головой, начиная злиться. – Кругом одни идиоты. Лапы или конечности, Ямомото. Кому ты тут ноги-то отрывать собрался? Панову? Ладно... Бери багор и покажи ему, как это делается. Орлов, помоги!

Подростки с любопытством сгрудились вокруг краба, распятого за конечности. Каждый у своей шипастой лапы, готовые в любой момент подтянуть веревку или накинуть новую петлю. Хоть краб и был обездвижен, но опасность, что он вырвется, еще оставалась.

Фудзи с Орловым схватили багры и направились прямо к монстру, к тому месту, где конечности сочленялись с телом. Здесь мощные пластины расходились, открывая плоть. Если воткнуть туда багор, то можно оторвать лапу одним движением. Оба подростка вместе подошли к ужасающей морде. Глаза-бусинки максимально выползли из тела, ротовые пластины хищно зашевелились, поскрипывая, но достать людей не могли. Оба мальчишки вместе занесли багры для удара: действовать надо было слаженно и если уж отрывать лапы чудовищу, то симметрично обе.

– Давай! – крикнул Фудзи, втыкая металлическое копьё с крюком в лапу...

Первым попал Орлов, но острие багра вонзилось под панцирь под неудачным углом. Краб дернулся. Оружие Фудзи скользнуло по хитиновой броне лапы, и от неожиданности подросток выронил багор. Орлов же не смог ни правильно нажать на рычаг рукоятки, ни вытянуть оружие из-под панциря. Краб задержался, свирепея. Люди вокруг отшатнулись. И все произошло слишком быстро, чтобы Воронин успел что-то сделать. Острый шип разорвал веревку, захватившую клешню, и от резкого рывка придал ей ускорение. Единственный, кто попался на пути этому бронированному снаряду, был Фудзи. Тяжелая лапа ударила его по спине, отчего подросток шмякнулся об устрашающий панцирь и перелетел через краба.

Тот уже дергал вторую лапу, пытаясь ее освободить. Ситуация грозила обернуться катастрофой. Воронин, не мешкая, бросился вперед, нырнул под свободную конечность, которой размахивал краб, перекатился и оказался под брюхом чудовища. «Сайга» два раза рывкнула, выворачивая место сочленения наизнанку, и бушующая лапа по инерции отлетела в сторону. Потом мичман откатился обратно, иначе панцирь чудовища грозил его раздавить. Быстро вскочил и разделался со второй конечностью. С остальными, менее слабыми лапами, он разобрался всего за минуту. И, не обращая внимания на обездвиженного краба, который никакой опасности теперь не представлял, бросился в сторону распластанного на гальке Фудзи. Увидев рядом Панова, Воронин заорал не своим голосом:

– Идиот, не трогай! Беги в лазарет. Срочно! – когда парнишка убежал в сторону поселения, старший мичман скинул с себя бушлат, плотно свернул его и, аккуратно приподняв голову японца, подложил ткань под нее. Ямомото вдруг закашлялся, открыл глаза и захлопал ими. В уголке рта надувался кровавый пузырь.

– Лежи, Фудзи, не двигайся. – Воронин положил руки на грудь пареньку, не давая ему подняться, но тот и не пытался. Ямомото только хлопал глазами, пытаясь осознать, что произошло. Одна мысль билась в голове и не давала покоя.

– Ноги. Я не чувствую ног...

– Лежи. Все будет хорошо.

– Но как же я теперь помогу Чекову?

– Тебе лежать надо! – мичман пытался успокоить бредившего подростка, но тот не унимался.

– Аркадий Семенович, ему же надо помочь, – было видно, что говорил Фудзи из последних сил. Глаза закатывались, а голос делался все тише.

– Ты говори. Говори, главное...

– Ну Аркадий... Семенович... Он же отправился на... северную часть... Он же попытается сейчас выбраться с острова... Он хочет лететь... через пролив! – пацан проморгался и уставился на старшего мичмана. Было заметно, что эта новость сильно взволновала Воронина. – Что же делать?

– Орлов! Остаешься за старшего! – заорал инструктор. – Ямомото не трогать, дожидаться врача и следовать его указаниям. Ясно?

– Так точно! – все вместе ответили сгрудившиеся вокруг ребята.

Воронин вскочил на ноги и бросился вдоль берега навстречу спускающейся опергруппе. Данилов, Краско, Бабич и Снежков. Эти могли вчетвером завалить любого краба. Сейчас они были ему нужны в другом месте. Услышав новость, бойцы все как один развернулись и бросились на север.

Ничего интересного в пути до тайника с парафойлом так и не произошло. Тот же безрадостный пейзаж: галька, отполированная соленой водой; мелкие речушки, пересекающие берег; кустарники ольхи и кедра и устилающая землю, словно мох, вечнозеленая водяника. Пустынно и тихо, словно не только человек, но и животные давно покинули эти места. Лишь черный дым от костров позади, в оставленной *навсегда* деревне.

Не составило труда размотать правильно уложенную конструкцию «паруса» и строп. Пока Чеков крепил доску к ногам специальными ремнями, ветер сменил направление – это было особенностью здешних мест. Ветер за день мог поменяться несколько раз, и теперь он дул в нужную Даниле сторону.

А когда Чеков потянул за стропы, поднимая верхние концы парафойла, чтобы тот наполнился воздухом, из-за изгиба берега показалась группа бегущих людей. Они что-то кричали, но парень не слышал. Он боялся, что его задержат и не дадут исполнить мечту. Пацан дернул за стропы сильнее, долгие тренировки на берегу отточили движения, а «парус» сразу же затрепыхался, поймав воздушный поток, и подскочил ввысь, удерживаемый длинными веревками. Данилу дернуло вперед, и, чтобы не упасть, он подпрыгнул.

Легкая конструкция парафойла одним рывком перенесла его на несколько метров. Доска коснулась воды, и человек заскользил по волнам, до побелевших костяшек сжав рукоятки строп и удаляясь от берега к еле видимому в туманной дымке острову.

– Что он делает? – изумленно спросил Бабич, когда бойцы во главе с Ворониным подбежали к берегу. Чеков, подсакивая на волнах, очень быстро набирал скорость.

– Верит в надежду, – мрачно пробормотал мичман. Бойцы сгрудились у кромки воды, с замиранием сердца наблюдая за «парусом» и уменьшающейся на глазах фигурой.

– Давай! Давай! – шептал сквозь зубы Бабич, нервно переставляя ноги и боясь, что его услышат товарищи.

– Он сможет! – твердо добавил Воронин, повернул голову к бойцу и ободряюще кивнул. – Если верить, то все под силу!

Меж тем далекий крик радости разнесся над океаном – Данила Чеков, ощущая невероятный душевный подъем от скорости, ветра и соленых брызг в лицо, кричал как никогда. В этом крике слились торжество и упоение собственной силой, восторжествовавшей над природой. Не зря он воровал у кладовщика парусину и веревки, не зря потратил целый год на изучение книги и пошив парафойла, не зря таил от всех что задумал – все получится, и люди поверят, пропитаются надеждой, как и он – пятнадцатилетний пацан, вздумавший перехитрить природу.

Где-то сзади бухнуло. Данила обернулся и с ужасом понял, что огромная рыба-мутант преследует его, как наживку на удочке – но не может догнать. Она прыгает в атаке, но надежный «парус» каждый раз уводит Чекова от удара. И рыба не в силах догнать маленького человечка, несущегося по волнам на парусе...

Данила вновь закричал, довольный собой, но фортуна отвернулась от мальчишки, позволив пройти лишь полпути.

Бойцы Воронина одним общим вздохом ужаса выразили чувства, когда встречным потоком воздуха парус подняло над океаном на несколько десятков метров, оторвало Чекова от воды, а потом со всей силы швырнуло обратно. Шансов у Данилы не было – запутавшегося в парусе, контуженного об воду пацана через минуту накрыла огромная туша рыбы...

Уходили в полном, гнетущем молчании. Чувства надежды и азарта, испытанные ранее, тяжелым грузом пустоты навалились на плечи очевидцев. И только Воронин еще долго стоял на берегу и шептал:

– У него получилось... У него *почти* получилось!..

Фудзи открыл глаза. Он находился в местном лазарете. Боль пронизала все тело – от шеи и до кончиков пальцев на ногах. Парнишка вздохнул. Значит, пройдет. Ведь боль – знак, что тело в порядке и исправно выполняет свои функции.

Он повернул голову и различил туманящимся взором опухшее лицо Нахима. Пил, как обычно, или ... плакал? Фудзи нахмурился.

– А где Данила? – слабым голосом спросил он. Нахим закрыл лицо руками, как будто ему было очень больно, а затем тихо сказал:

– Погиб... пытаюсь перебраться через пролив.

Фудзи только раскрыл рот, как будто ему не хватало воздуха.

– Я виноват... – заговорил Ямомото, но Нахим прервал его.

– Нет... Я. Я давно должен был заметить в нем эту безумное стремление к свободе. И он показал... Показал, как должен жить человек. Не прятаться всю жизнь на клочке суши, а пытаться и пытаться, что бы ни случилось, что бы ни мешало... Только тогда мы – люди, когда к чему-то стремимся, когда горим желанием изменить этот мир. И он это смог! Он смог, Фудзи, понимаешь? Я видел Воронина, который был свидетелем... э-эм, его ухода... это другой человек – он носится по поселку с горящими глазами, всем доказывая, что нужно действовать! Уже составил план захвата тральщика наших мучителей с помощью подобных конструкций! Сколько было надежды в одном пареньке... Ты представляешь? И я... и я клянусь, что теперь сделаю все, чтобы помочь людям выбраться из этого капкана...

Нахим говорил и говорил, словно отчитываясь перед другом Данилы, а Фудзи закрыл глаза и слушал, пытаюсь запечатлеть образ друга на всю жизнь в воспоминаниях – образ упрямца и... настоящего человека.

Скоро будет шторм. Фудзи посмотрел на надвигающуюся с севера сплошную темную тучу, и сделал пару шагов к кромке воды. Что-то белело на гладкой гальке, выброшенное океаном.

В течение двух недель подросток не мог встать с койки – первый опыт охоты на краба обернулся неудачей для юркого японца. Когда же

он, наконец, окреп и первый раз вышел на прогулку, то сразу отправился на место, где погиб Данила. Шаткой походкой, опираясь на кривую палку из ольхи, он добрел до северного пляжа и около часа вглядывался в горизонт, где, расплываясь в тумане, темнел еще один остров.

На душе скребли кошки, а невыразимая тоска поселилась в груди. В один момент потерять друга и понимать, что мог остановить Данилу, было невыносимо. Еще невыносимей оказалось осознавать, что вся жизнь на Шишке ничего не стоила. Простое бесцельное и никчемное существование. Полная зависимость от «черного золота». И только. Что же будет, когда ядовитое топливо закончится? А ведь Данила видел дальше всех, живущих на острове...

В этот момент Фудзи и заметил у кромки воды белеющий предмет. Шаркая слабыми ногами и опираясь на сучковатую палку, он медленно подошел к нему. Сердце неизвестно от чего гулко застучало. Пацан нагнулся и поднял мятые и влажные, изжеванные волнами листки. Стараясь не порвать размокшую бумагу, расправил и застыл в удивлении. Черными, слегка стертыми линиями на грязно-белом обозначился рисунок, так похожий на... парафойл Данилы. Такой же в точности «парус», те же стропы с рукоятками, а рядом доска с размерами и обозначениями.

По спине пробежали мурашки, как будто Данила с того света или из иного мира посылал Фудзи знак. Вот – путь к свободе! Вот – смысл в жизни! Помни это, не забывай...

Первый мощный порыв ветра заставил японца взглянуть вверх. Туча, еще недавно расплывающаяся на горизонте, нависла над Шишкой, готовая вот-вот излиться на остров потоком воды.

Фудзи быстро, насколько позволяло еще слабое тело, зашагал к поселению, прижимая драгоценные листки к груди. А позади сплошная стена дождя уже скрыла соседний остров, небо с морем слились воедино, а линия горизонта стерлась ливнем.

Шквальный ветер порывами налетал на берег, перемещая с севера на юг тяжелые и массивные иссиня-черные облака. Огромная чаша с солёной водой, с Шишкой в центре, раскачалась, будто некто огромный забавлялся, разглядывая, как маленькие фигурки мечутся по острову в поисках укрытия. Северный ветер разыгрался не на шутку, расшевелив бесконечную гладь океана. Темные воды вспенились и

накатывали по всему берегу на металлические щиты заграждения. Несколько крабов поспешили убраться с пляжа: в подводной пучине легче было переждать буйство стихии. Люди спешно разбегались по домам в поисках укрытия, надеясь, что буря обогнет остров. Но не тут-то было...

День превратился в ночь, накрыв остров мглою. Люди жались друг к другу, мечтая, чтобы небывалых размахов шторм отступил или прошел стороной. Сплетённые из ольхи хижины трещали под напором ветра, готовые сорваться и покатиться по скалистой поверхности Шиашкотана, но тяжелые стальные листы надежно прижимали их к земле. В какой-то момент сквозь шум стихии просочился протяжный металлический стон. Это малый танкер под напором гигантских волн переворачивался на берегу.

А Фудзи, обняв сестру и слушая шум бури и рев ураганного ветра, ощущал за пазухой влажный клочок бумаги...

Исчезнет с лика Мира человек,

Гордыня – страшный враг...

Поделят боги древних лет

В округе все и вселят страх...

Родится в «атомной печи»

Потомок их, Икар,

И души пламенем свечи

Зажгутся... Млад и стар.

Очнутся люди ото сна,

Изрежут старый стяг,

Ведь вера, она как мечта –

Наполнит, словно маг.

[1] Борéй (др.-греч. Βορέας, Βορρᾱς «северный») — в греческой мифологии олицетворение северного бурного ветра.

[2] Шиашкотан (на российской карте 1745-го года — Кривой) — остров в Северной группе Большой гряды Курильских островов.

[3] ТРЮМ - Внутреннее помещение корабля между нижней палубой и днищем, служащее для установки механизмов, для грузов.

[4] Тánкер — морское или речное грузовое судно, предназначенное для перевозки наливных грузов.

[5] ЛАМПА́ДА - Небольшой сосуд с фитилем, наполняемый маслом (в данном случае нефтью).

[6] Риф (нидерл. rif — ребро) — подводное или надводное возвышение морского дна на мелководье.

[7] КПСКР – Краснознаменный поисковый сторожевой корабль России.

[8] Тральщик — корабль специального назначения, задачей которого является поиск, обнаружение и уничтожение морских мин и проводка кораблей через минные заграждения.

[9] Морская миля - международная морская миля равна ровно 1852 метрам.

[10] Служит для предупреждения падения людей за борт.

[11] КОКАРДА - Жестяной значок на форменной фуражке.

[12] Стропами называют элементы аэростатов и парашютов.

[13] Параfoil (англ. parafoil) — мягкое тканевое оболочковое крыло, надувающееся через воздухозаборники набегающим потоком воздуха. Подъемная сила создается благодаря обтеканию профиля крыла встречным потоком воздуха.

[14] Имеется ввиду полуостров Камчатский.

[15] РУБКА - Надстройка на палубе судна для управления.

[16] Каюта — помещение на судне или корабле, оборудованное для проживания людей, а также различных служебных целей (буфет, кают-компания и проч.).

[17] Кедровый стланик — небольшое стелющееся древесное растение с широко раскинутыми ветвями.

[18] Танто (яп. танто:, букв. «короткий меч») — кинжал самурая.

[19] Водяника, или Вороника, или Шикша — род вечнозелёных низкорослых стелющихся кустарничков семейства Вересковые с листьями, похожими на хвоинки, и невзрачными цветками.

[20] АК-630 — 30-мм шестиствольная автоматическая корабельная артиллерийская установка.

[21] АК-100 — советская одноствольная корабельная артиллерийская установка калибра 100 мм.

[22] М-4 «Оса-М» — российский автоматизированный военный корабельный двухбалочный зенитный ракетный комплекс, морской вариант ЗРК Оса.

[23] В подавляющем большинстве случаев полипы — малоподвижные или неподвижные обитатели морского дна, часто

существующие в форме колоний. Также покрывают подводные части морских судов.

[24] Корма́ — задняя часть корпуса корабля (судна).

[25] Трап — лестница.

[26] Переборка — вертикальная стенка внутри корпуса судна, кроме двойного борта, разделяющая внутреннее пространство на отсеки.

[27] Ют — кормовая надстройка судна или кормовая часть верхней палубы.

[28] Губа — разговорно-жаргонное название гауптвахты, помещения для содержания военнослужащих, задержанных за правонарушения.

[29] Авра́л (нидерл. overal — повсюду) — морское повелительное: «все наверх!», спешная (по специальному заданию или по тревоге) работа на судне (корабле) всей командой или большей частью команды.

[30] МЫ́ЧМАН - Старшее звание младшего начальствующего состава военно-морских сил, а также лицо, носящее это звание.

[31] ЛАЗАРЕ́Т - Небольшая военная больница.

[32] Ры́нда — устоявшееся в русском языке название судового колокола.

[33] Азбука Мо́рзе, «Морзя́нка», Код Мо́рзе — способ знакового кодирования, представление букв алфавита, цифр, знаков препинания и других символов последовательностью сигналов: длинных («тире») и коротких («точек»).

[34] "Стриж" — бескурковый самозарядный пистолет.

[35] Хитин - основной компонент экзоскелета (кутикулы) членистоногих и ряда других беспозвоночных.

[36] Сайга-12 — самозарядное ружьё, разработанное на Ижевском машиностроительном заводе на базе автомата Калашникова и предназначенное для промысловой и любительской охоты на мелкого, среднего зверя и птицу в районах с любыми климатическими условиями.